

**АЛЕКСЕЙ
МАКАРОВ:**

**ИНТЕРЕСНЕЙ
ВСЕГО ИГРАТЬ**

**СУМАСШЕДШИХ,
ПОДОНКОВ,
И АЛКАШЕЙ**

Кино в России в застое, но съемки идут и идут несмотря ни на что. На днях до монтажно-тонировочной стадии благополучно добрался фильм Бориса Гиллера и Александра Бородеянского "Чек" — русский боевик о том, как люди гоняются друг за другом из-за пяти миллионов долларов. В проекте заняты звезды шоу-бизнеса Николай Расторгуев и Николай Фоменко. Сыграли злодеев. Роль положительного персонажа — простого русского парня, принципиального и очень сильного — исполнил молодой актер Театра имени Моссовета, выпускник ГИТИСа Алексей Макаров.

— В прошлом году я снялся в фильме Станислава Говорухина "Ворошиловский стрелок". Сыграл жуткого подонка. Теперь — полная противоположность. В "Чеке" мой герой такой положительный, что просто не верится, бывают ли такие люди вообще. Кстати, по сценарию он на пять лет моложе меня.

— Все говорят, что в нашем кино нет героя. Может, твой персонаж из "Чека" станет зрительским кумиром?

— В нашем кино на первом месте всегда была личность. Негодяй это или положительный персонаж — не важно. Я когда еще учился в институте, понял, что интереснее всего играть алкоголиков, подонков и сумасшедших. Потому что душа человеческая изначально тянется к пороку. Героями целого поколения могут быть законченные идиоты или, наоборот, суперпорядочные люди. Вот сериал "Менты". Его любят. Потому что менты там — живые люди со своими достоинствами и недостатками. У нас в кино нет такого Брюса Уиллиса, который придет и спасет мир. Нам интереснее внутренние проблемы. Помнишь, в "Полетах во сне и наяву" Балаева? В финале герой Янковского зарывается в стог сена, пытается таким образом скрыться от окружающей действительности. Такой персонаж мне близок. Но на данный момент я не могу себе представить его в современном кино. Сейчас есть только черное и белое, богатые и бедные. О духовности забыли. Поэтому не снимается трогательное кино. Или экшн, или комедь. Люди поехали в круиз, захватили с собой камеру, и получился фильм. Ни о чем. Есть легенды, суперпопулярные личности, Никита Михалков, например, Андрей Кончаловский. Они действительно занимаются искусством. Есть люди, которым удалось сохранить свои идеалы, но их, к сожалению, все меньше и меньше.

— Фильмы с разборками для артистов чреваты травматизмом?

— Да уж. На площадке я чуть не зарезал Фоменко. В фильме была такая сцена, когда Коля сидит связанный пластиковым шнуром, мы разговариваем, и начинается стрельба. Все взрывается, летят осколки, и в этот момент он кричит: "Развяжи меня!" — и я должен ножом перерезать его путы. Мы раз прорепетировали, два, потом — команда "Мотор!". Я начинаю играть — "Стоп, снято!". Тут Коля говорит: "А вот теперь меня освободите". И я вижу, что у него по ноге течет кровь. Я в шоке. Знаменитого актера порезал! Он же профессиональный ак-

тер, у него ноги — рабочий инструмент. А Коля совершенно спокойно сидит и ждет врача. Выяснилось, что нож мне дали не буффорский, а самый настоящий. Взяли у кого-то из монтировщиков, он бумагу рассекал на лету.

— Я слышала, ты специально худел для роли?

— Да. Мама (актриса Любовь Полищук. — Н.К.) меня все время упрекает за то, что я якобы толстый. Иногда просто намекает, иногда переходит в любовную атаку. Особенно когда у меня щеки появляются.

— Ты же самостоятельный, семейный человек.

— Но мы часто видимся. Захожу в гости. Вот сейчас у меня перерыв между репетициями (беседуем в театральной гримерке; Алексей в костюме шута — роль в новом спектакле "Венецианский купец". — Н.К.) — забежал бы к ней поест.

— В творческом плане мама тебя тоже контролирует?

— Она очень тактична. Знает, что актера обидеть легко. Поэтому никогда не указывает, а осторожно дает советы: "Мне кажется, что тебе следовало бы сделать то-то и то-то". Я или стараюсь соответствовать, или начинаю спорить.

— Вы играете вместе, и ты даже как-то сыграл ее любовника.

— Не любовника, а мужа в антрепризе Олега Березкина "Арт-клуб 21". Там жена изменяет своим четырем мужьям и им всем об этом сообщает. Я сыграл первого — самого интеллигентного и благородного. У нас была такая сцена — она рыдает, я беру свои вещи и ухожу.

— Совершенно эдипова ситуация. Непросто было играть?

— Сначала мы действительно были очень скованны. Все-таки мне надо было маме ноги целовать, и так далее. Но потом постарались абстрагироваться. У меня получилось быстрее. Наверно, из-за того, что во мне больше цинизма.

— А что сказал настоящий муж?

— Отчим? Он ее видел в самых сумасшедших ролях. Его не удивишь. Сережа ко всему относится философски. Он для меня в этом смысле пример. А я жутко ревнивый. Если бы в такой сцене увидел свою жену (Оля — танцовщица. — Н.К.), я бы очень сильно нервничал. К автомату с газированной водой могу ее приревновать. Горячий парень. Наверно, надо это просто перерасти, относиться мудро. У отчима получается, молодец. Он давно для себя определил — жена актриса, жена красавица — и ничего тут не поделаешь.

— Взросление воспринимаешь как путь к мудрости?

— Я с ужасом вспоминаю себя в девятнадцать лет. Из ГИТИСа меня два раза пытались выгнать за плохое поведение. Но прощали, верили, что перебежусь. Я и сейчас-то не слишком интеллигентная личность. А тогда это был просто беспредел. Носил громадную зеленую майку, на которой было написано "Алиса", нарисован Константин Кинчев и череп с костями. Такой молодой экстремал.

— Было бы странно, если бы у тебя на майке был нарисован профиль Константина Станиславского.

— Вообще-то да. Юношеский максимализм во мне бил ключом. Сейчас я тоже остро реагирую на эту жизнь, но научился скрывать свои эмоции. Может, это и есть взросление. Стал более рациональным, что ли. Стараюсь правильно себя распределять. Как сказал один пожилой актер: "В жизни надо быть тихим и незаметным, а взрываться надо на сцене". Ведь мы очень много сил тратим на ерунду. Но я пока не всегда следую заветам старого актера. Разбрасываюсь.

— В театре прижился легко?

— Уже на третьем курсе я сыграл царя Ирода в спектакле "Иисус Христос суперзвезда". Страшно переживал. Друг мне потом сказал: если бы ты видел свое лицо — "сосульки на сцену!"

— Теперь ты, конечно, чувствуешь себя более раскованно.

— Но есть один нюанс. Дело в том, что я человек абсолютно непокоющийся. А получилось, что последние лет пять пять приходится во всех спектаклях. "Иисус Христос суперзвезда", "Игра", и у нас есть такая сказка для детей на музыку Гладкова "Шиворот-навыворот". А мне всю жизнь говорили, что у меня ни голоса, ни слуха. И вот мы выпустили "Венецианского купца" режиссера Житинкина — это моя первая роль, где я не пою.

— Ты следишь за тем, что происходит в нашем кино процессе?

— Я считаю, что то обожаемое всеми нами старое доброе кино уже не вернется никогда. Подражать Европе или Америке не стоит. Просто не получится. Надо брать на вооружение только техническую часть. Как это делает Михалков. Мне нравятся такие картины, как "Доберман", "Восемь с половиной долларов", "Трейспотинг", "Беги, Лола, беги". В последнее время влюбился в клиповое кино. Оно соответствует ритму времени, в которое мы живем. Я с удовольствием смотрю старые советские картины. Собрал почти все кассеты с нашим кино. Обожаю фильмы Рязанова, Германа. Обожаю наших актеров. Никой Сталлоне мне не заменит Леонова, Евстигнеева или Борисова. Из молодых — Меньшиков, Машков, Миронов, Домогаров, Балух.

— Ты выглядишь очень спортивно. Свободное время проводишь в тренажерном зале?

— Чаще лежу на диване с книгой в руках и с пультом от телевизора. Любимое развлечение — наблюдать, на какие еще извращения в отношении друг друга способны наши славные депутаты. (Костюмерше: "Я сейчас все отдам." — Срочно нужно вернуть штаны. — Н.К.)

— В театре обсуждают политику?

— Еще бы. В курилке у нас на эту тему ведутся постоянные дискуссии. Михаил Михайлович Козаков пришел совершенно шокированным после "Гласа народа" с участием Явлинского и Чубайса. Репетицию не начинали минут пятнадцать. И весь прогон "Венецианского купца" прошел под этим знаком.

— А тебе не страшно за свое будущее? За профессиональную судьбу? Может, уехать или заняться чем-нибудь, что приносит больше денег? Такие мысли, свойственные людям, подходящим к тридцатилетнему рубежу, возникают?

— Я думаю об этом постоянно. Уехать — это не выход. Когда я немножко посмотрел свет, понял, что русские могут жить только в России. Но сейчас заработать имя можно только на телевидении. Кино в последнее время снимается все меньше и меньше, поэтому на него уповать особенно не стоит. Самые популярные люди — телеведущие, шоумены. Как Фома, например, он и актер, и певец, и музыкант.

— На съемочной площадке он тебя уму-разуму не учил — как все успевать?

— Почти каждый вечер после съемок сидели, общались. Но, конечно, никакого менторского тона не было и панибратства тоже. Фома абсолютно нормальный, что называется, свой

Играю с мамой.

человек. Спит по три-четыре часа в сутки. На заднем сиденье машины у него лежат подушка и матрас.

— А ты бы мог так жить?

— Я хочу самореализоваться. Для мужика, по-моему, это должно быть задачей номер один. Сделать так, чтобы твоя профессия приносила уважение окружающих, деньги. Да, я мечтаю спать по четыре часа в сутки. Но, к сожалению, актеры сейчас больше отдыхают, чем работают. Они не востребованы. Громадная масса талантливейших молодых людей сидит без дела.

— Ну вот твои сокурсники по ГИТИСу, например?

— Катя Редникова — у нее все в порядке, снялась в фильме "Вор", сейчас Голливуд. Дима Бозин — прима у Виктора. Человек пять-семь не занимаются своим делом вообще. Один ушел торговать алкогольными изделиями, другой продает кинтайские пуховики. Кто-то удержался в театре. Хотя... Это раньше считалось, что актером быть престижно. Но о каком престиже мы говорим, когда актерский оклад 800 рублей. Я могу себе купить проездной, заплатить за квартиру, за свет и электричество, остальное на еду. А дальше — вертись, как хочешь. Но при этом еще надо как-то держать марку, прилично выглядеть. Это уже отдельная профессия.

— То есть ты "вертишься"?

— Я работаю в театре, играю в антрепризе и последние два года снимаюсь в кино. Это меня и держит на плаву. Хотя несколько раз были попытки уйти из театра, потому что надо было как-то кормить семью. Дико говорить: мне, 27-летнему мужчине, помогает мама. Но тем не менее это так. И не потому, что так все плохо в театре, а потому, что такая ситуация в стране. Но два рубля на "Московский комсомолец" я найду всегда.

Кадр из фильма "Чек".